

Попроси меня остаться

Автор:

[Кейт Хьюит](#)

Попроси меня остаться

Кейт Хьюит

Любовный роман – Harlequin #818

Рафаэль Витали полагал, что со смертью кровного врага обретет спокойствие, однако, придя на поминки, понял, что унять тоску и ощущение пустоты будет непросто. Разве только прибегнуть к старому испытанному способу – познакомиться с какой-нибудь красоткой? Очаровательная девушка, грустившая в одиночестве у стены и представившаяся Аллегрой, сразу же привлекла его внимание, и скоро они оказываются в постели. Но Рафаэль, опьяненный страстью, даже представить не мог, кем на самом деле является красавица, завладевшая его сердцем...

Кейт Хьюит

Попроси меня остаться

Роман

Kate Hewitt

Engaged for Her Enemy's Heir

Engaged for Her Enemy's Heir © 2017 by Kate Hewitt

Глава 1

Похоже, что похороны для многих – лишь повод набраться, думала Аллегра Уэллс. Сама она весь вечер пила лишь минеральную воду. Поминки отца проходили в роскошном отеле Рима, и, стоя у стены просторного зала, девушка наблюдала за людьми, опрокидывающими рюмки. Не было ни горечи, ни иронии – лишь тупая усталость, пронизывающая все тело. Большую часть времени она даже не осознавала этой пустоты, удовлетворенная своей незаметной жизнью в Нью-Йорке. И лишь теперь, на поминках отца, окруженная незнакомыми людьми, Аллегра поняла, насколько одинока в огромном мире, на который она привыкла смотреть с безопасного расстояния. Правда, нельзя сказать, что со смертью отца многое изменилось, ведь это он отвернулся от нее, не моргнув и глазом.

Его вторую жену и приемную дочь Аллегра знала в лицо – не встречала, разумеется, но, в минуты слабости заходя в Интернет, чтобы поискать фото отца, частенько видела. Альберто Мансини, управляющий компании «Технологии Мансини», часто появлялся на страницах газет, потому что вторая его жена была молода и любила быть в центре внимания – так, по крайней мере, показалось Аллегре. И сейчас ее черный кружевной наряд и элегантный жест, которым она подносила к сухим глазам платочек, нисколько не обманули девушку. Разумеется, вдова и виду не подала, что узнала дочь своего мужа от первого брака, но это Аллегру не беспокоило. Здесь она была инкогнито, а если бы не звонок адвоката, она и не узнала бы о похоронах.

Люди вокруг сновали туда-сюда, о чем-то беседовали – Аллегра же размышляла над тем, зачем пришла. Что надеялась здесь увидеть? Что обрести? Отца больше нет, но для нее его нет уже пятнадцать лет – и так решил он сам. Ни одного сообщения, ни письма, ни весточки за все эти годы – ничего. Наверное, именно это, а вовсе не его смерть, заставляло Аллегру горевать о человеке, которого она потеряла давно и которого ей все эти годы не хватало. Так вот зачем она пришла? Найти выход своему горю? Разобраться в чувствах?

Мать Аллегры с негодованием восприняла новость дочери о посещении похорон, сочтя это личным оскорблением. При одном лишь воспоминании о ее ледящем душу молчании у Аллегры тревожно сжался желудок. Хотя между ней и матерью уже давно достаточно напряженные отношения. Дженнифер так и не оправилась от того потрясения, что испытала, когда муж отвернулся от нее и Аллегры – словно их никогда и не было в его судьбе. После жизни в тепле и роскоши началось выживание, полное лишений и одиночества. Аллегра не могла принять столь резкие перемены: отсутствие отца и скупые объяснения матери, которые не проливали свет на ситуацию. «Он решил, что нашему браку конец. Я ничего не могу поделать. Он не хочет больше иметь с нами дела и не даст ни копейки». Трудно было поверить в реальность происходящего. Да отец ее обожал, носил на руках, щекотал, называл маленьким цветочком. Долгие годы она ждала от него звонка, сообщения, письма – чего угодно. Но ответом было молчание. И вот она здесь – но зачем? Отца больше нет, и никто здесь не знает, кто она и кем когда-то приходилась умершему.

Краем глаза она поймала взгляд чьих-то янтарно-карих глаз, отблеск черных, как вороново крыло, волос – у противоположной стены стоял мужчина, оглядывая снующих вокруг людей. Выражение его лица задело Аллегру до глубины души – была в нем какая-то затаенная боль. Она не знала его, не знала, кем он приходился отцу и почему сейчас здесь, но что-то в его манере держаться, в осторожном взгляде приковывало внимание. Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы заговорить с ним. Аллегра всегда была робкой, и после развода родителей это лишь усугубилось. Потому для нее и представить было сложно ситуацию, в которой она проявила бы инициативу и познакомилась с кем-то. Но она продолжала наблюдать исподтишка, хотя наверняка не было необходимости скрываться, ведь вряд ли он заметил ее, бесцветную, бледную полутень в старомодном черном платье с нелепыми рыжими кудряшками. Нельзя и помыслить о том, чтобы такой красавец – он-то как раз притягивал взгляды многих женщин – посмотрел на нее. Он был убийственно красив, его мужественность была вызывающей: высокий, мускулистый, излучающий мощь и силу. На этом угрюмом празднике смерти ему было не место, ведь он символизировал собой жизнь, неугомонную энергию – это можно было прочесть в его золотисто-карих глазах, осанке, кистях рук, готовых сжаться в кулаки, – казалось, он, точно боксер на ринге, вот-воткинется в бой. Аллегру привлекала не столько его красота, сколько переливающаяся через край жизненная сила – такой противоположностью казался он ей самой. Слишком долго ощущала она в себе пустоту – а скорее, опустошенность.

Сделав глубокий вдох, Аллегра направилась к бару и, заказав бокал красного вина, удалилась в нишу подальше, желая отстраниться от суматохи. Вино мягким бархатом обволакивало горло и, казалось, склеивало острые льдинки внутри.

– Вы что, прячетесь? – раздался мелодичный, низкий мужской голос.

Подняв глаза, Аллегра едва не поперхнулась от неожиданности, увидев, кто перед ней – незнакомец, что был напротив. На миг показалось, что воображение сыграло с ней злую шутку, наверняка ей все это кажется. Вот только у мужчины в глазах горел дьявольский огонек и губы были слишком решительно сжаты. Так он не сказочный принц, а змей-обольститель? Не в силах вымолвить даже пары связных слов, Аллегра лишь смотрела на него. Он и впрямь выглядит сногшибательно: темные волосы чуть длиннее, чем положено, янтарные глаза блестят, на четко очерченной челюсти темной тенью проступает борода. Темно-серый костюм, темная же рубашка и серебристый галстук. Так мог бы выглядеть Мефистофель – воплощение необузданной энергии, власти и тьмы.

– Так да или нет? – повторил мужчина игриво, но в голосе его слышались коварные нотки приглушенной опасности. Звук этот завораживал, обволакивал, доставлял чувственное наслаждение. – Прячетесь?

Аллегра с трудом заставила себя прийти в себя и принять приличествующее случаю выражение лица.

– Вообще, да, прячусь. Я здесь никого не знаю. – Она глотнула еще вина. Может, оно хоть немного придаст уверенности.

– Это у вас такое развлечение – приходить на похороны незнакомых людей? – весело спросил он, и Аллегра напряглась, не желая открывать ему правду.

– Только если вижу бар, – пошутила она, поднимая бокал под пристальным взглядом незнакомца. – Вы знали Альберто Мансини? – решила спросить она.

Имя отца словно застряло в горле, и в глазах мужчины мелькнуло странное выражение. Аллегра не назвала бы его, но оно было столь же мимолетно, как вспышка молнии.

– Не то чтобы близко. Мой отец работал с ним давным-давно. Я лишь хотел...
отдать дань уважения.

– Ясно.

Она чувствовала себя растерянной под этим словно сонным, но внимательным взглядом. Незнакомец будто раздевал ее глазами. Никогда прежде Аллегра не испытывала похожего чувства – и это после первых минут знакомства. Может, сказывалось эмоциональное напряжение мрачного дня, однако же никогда, никогда ей не доводилось ощущать ничего подобного.

– Очень чутко с вашей стороны, – поспешила ответить она.

Мужчина улыбнулся и промолчал.

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Я и не говорил. – Он снова окинул ее взглядом – так ястреб смотрит на свою жертву. – Рафаэль.

Рафаэль Витали понятия не имел, кто эта очаровательная незнакомка, но был покорен ее тициановскими кудрями, огромными серыми глазами – прозрачными, точно стекло, и ясными, словно небо в погожий денек. По ним можно было читать ее всю: даже стоя у противоположной стены, он безошибочно узнал усталость, грусть, горе. Кто она? Кем приходится Мансини? Не то чтобы это сейчас имело значение. Сейчас его дело наконец завершено, справедливость восторжествовала, но все же любопытно. Просто друг семьи или что-нибудь совершенно иное? Любовница? Она определенно направилась в бар не для того, чтобы просто выпить. Так что она скрывает?

Сделав глоток из своего бокала, Рафаэль продолжал наблюдать за ее выражением лица. Смущение, надежда, печаль... определенно любовница, решил он. Хотя и достаточно молода – настолько, что могла бы приходиться усопшему дочерью. Вдова и приемная дочь Мансини стояли напротив с кислыми минами, обеим явно было скучно. Рафаэль непременно выразил бы соболезнования, если бы не знал, как отчаянно вдовушка гонялась за деньгами

богатого мужа. Завтра она узнает, как ничтожно мало было завещано ей... Где же справедливость?! Разве не так же точно Мансини поступил с матерью Рафаэля? А его отец... Рафаэль никогда не позволял себе думать о нем, и это было скорее мерой предосторожности, способом защититься от боли. Эти воспоминания хранились в глубине души за тщательно запертой дверью. Но сейчас, после смерти Мансини, эта дверь вдруг со скрипом приотворилась, и боль, острая и безжалостная, как прежде, вновь дала о себе знать. Так молния разрезает прежде спокойное небо на две части, предупреждая о скорой буре. В душе Рафаэля вот-вот готова была разразиться гроза – а тогда все чувства выплеснутся проливным дождем. Нельзя этого допустить! Нужно лишь захлопнуть дверь. Есть прекрасный способ это сделать, и очаровательная незнакомка ему в этом поможет.

– Надеюсь, бар оправдал ваши ожидания, иначе вы зря сюда пришли, – пошутил Рафаэль.

Девушка состроила гримаску:

– Я вообще-то не охотница выпить.

– Я так и подумал.

Рафаэль прислонился к стене плечом, придвинувшись к девушке ближе, – теперь ощущался едва уловимый цветочный аромат, исходивший от нее.

Легкая прядь рыжих волос, выбившаяся из прически, коснулась его плеча. Прямой носик, пухлые губы и шелковистая кожа с золотистыми веснушками дополняли образ прекрасной незнакомки.

– Кем вы ему приходились? – спросил он.

Красавица пожала плечами, отводя глаза:

– Скажем так, я давно его знаю. Но сомневаюсь, что он хоть иногда вспоминал обо мне.

Она усмехнулась, и в улыбке ее было столько печали, что Рафаэль ощутил, как в его душе шевельнулось нечто, напоминающее сострадание. Но он быстро подавил это тревожное чувство, уже решив про себя, что должен завоевать незнакомку. И потом, она, вне всяких сомнений, одна из любовниц Мансини – а значит, ничем не лучше сребролюбивой вдовушки. И все же... она такая хрупкая – точно малейший порыв ветерка может ее унести. Белоснежная кожа до того тонкая, что под глазами просвечивает синева, и веснушки золотой россыпью на щеках... Под свободным черным платьем угадываются соблазнительные изгибы точеной фигурки.

– Я не сказал бы, что вы из тех, кого легко забыть, – произнес Рафаэль.

Его слова произвели удивительный эффект: щеки девушки окрасились румянцем, а зрачки расширились, словно его комплимент был для нее чем-то из ряда вон выходящим.

– И тем не менее, – с робким смешком отозвалась она. – А ваш отец какое отношение имел к... нему?

– Новые технологии в сфере мобильной связи, – коротко ответил Рафаэль, не желая воскрешать в памяти прошлое. – Ну, тогда, по крайней мере, они были новыми. С тех пор многое изменилось.

– О, во всем, что касается технологий, я полный профан. Даже с собственным телефоном управляюсь с трудом, – произнесла девушка, делая глоток вина.

Ее темные с золотистым отливом ресницы опустились на щеки, отбрасывая длинные тени. Рафаэлю внезапно захотелось погладить ее по щеке и ощутить под пальцами эту бархатистую кожу.

– Чем же вы занимаетесь? – спросил он, примерно определив возраст собеседницы как двадцать пять или около того. – Кем работаете?

– В кафе, что расположено в Гринвич-Виллидж, – в музыкальном кафе.

– Никогда не слышал ни о чем подобном.

– Другими словами, это магазин музыкальных инструментов и либретто, – пояснила Аллегра. – Ну и музыку можно там послушать. Но не все так просто. У нас проходят концерты подающих надежды музыкантов, уроки для всех желающих. Это нечто наподобие клуба по интересам для любителей музыки.

– А вы, я полагаю, принадлежите к их числу?

– Да, – тихо и проникновенно произнесла девушка. – Да, музыка играет в моей жизни важную роль.

Ее искренность, чистота задевали за живое, и это смущало Рафаэля. Ему не хотелось усложнять отношения с новой знакомой, которые он уже определил для себя как незначительную, но очень многообещающую в физическом плане интрижку.

– Полагаю, мне пора, – медленно произнесла Аллегра. – Мне в общем-то здесь делать нечего.

Она подняла глаза, и Рафаэль прочел в них нежелание уходить и немую мольбу, обращенную к нему. Он не преминул воспользоваться удачей.

– Еще рано, – возразил он, придвигаясь ближе и касаясь плечом ее плеча. – Не обязательно оставаться здесь. Скажите мне, какая ваша любимая мелодия.

– О... – удивленно протянула девушка, и на губах ее заиграла робкая улыбка. – Не думаю, что вы ее знаете.

– А вдруг.

– Ну, ладно. – Она улыбнулась – словно сноп солнечных лучей озарил его душу. – Это третья часть сонаты для виолончели Шостаковича. Знаете ее?

– Нет, но хотел бы услышать.

– Он не принадлежит к числу самых известных композиторов, но его музыка так трогает. – Глаза Аллегры засияли, казалось, она вот-вот заплачет. – Она действует на меня, как ни одна другая мелодия.

– Вот теперь я уверен, что мне необходимо ее услышать. У меня номер в этом отеле, а в нем чудесный музыкальный центр. Так почему бы вам не подняться ко мне? Мы могли бы вместе послушать эту мелодию. Можем выпить чего-нибудь получше. Бар в моем номере намного лучше, и в нем нет такой ерунды, что подают здесь. – Взяв бокал у Аллегры, Рафаэль поставил его на поднос подошедшего официанта. – Пойдемте.

Он протянул руку девушке. С этой красавицей он сумеет забыть об одиночестве, пусть и ненадолго, и ему будет хорошо. На долю секунды между ними воцарилось молчание. Аллегра не сводила глаз с протянутой руки. Но вот она сделала шаг, затем второй, пытливо глядя ему в глаза, ища поддержки. И он не заставил себя ждать – повел ее подальше от толпы. Несколько человек посмотрели на них с любопытством, были и завистливые взгляды. Рафаэль не обращал внимания ни на кого, включая женщин, не скрывавших своего разочарования. Сейчас он хочет лишь одну – и держит ее за руку.

Они вышли из зала, пересекли холл и направились к лифтам. Сердце Рафаэля готово было выпрыгнуть из груди. Уже давно он не испытывал такого сладостного предвкушения. Затаив дыхание, он нажал кнопку лифта. Казалось, любое резкое движение способно спугнуть это магическое притяжение, что возникло между ними. К счастью, в лифте никого не оказалось. Как только дверь за ними закрылась, Рафаэль повернулся к спутнице:

– У вас очаровательная улыбка.

Эти слова окончательно ее смутили.

– Да?

Он кивнул – и это было совершенно искренне. Улыбка девушки была уникальна – так раскрывается цветок, робко и медленно. По-видимому, ее невинность и робость – вовсе не искусная актерская игра. Конечно, что-то у них было с Мансини, иначе зачем бы она его оплакивала, но не с другими мужчинами.

– Да, – ответил Рафаэль. – Полагаю, это очень большая редкость и ценность. – Прислонившись к стене, он осторожно притянул девушку к себе, чувствуя, как между ними словно разгорается пламя. – Я бы хотел видеть ее почаще.

– На похоронах, – пробормотала Аллегра, опуская глаза, – как-то нет повода для улыбок.

Прежде чем Рафаэль успел что-либо возразить, двери лифта открылись. Они были в его пентхаусе. Аллегра окинула взглядом огромную комнату и изумленно протянула:

– Как красиво...

Неужели она прежде не видела ничего подобного, подумал удивленно Рафаэль, но тут же позабыл об этом, ведя гостью в номер. Двери лифта закрылись. Наконец-то они остались наедине.

Глава 2

Что она делает? Аллегра ощущала себя так, точно попала в параллельный мир. Жизнь ее была размеренной и спокойной: работа в кафе, почти никаких друзей, если не считать хозяина квартиры, восьмидесятилетнего старика, который считал квартиросъемщицу кем-то наподобие внучки. Но одно лишь прикосновение Рафаэля вскружило ей голову. Аллегра и представления не имела, что бывают такие ощущения: все тело горело от предвкушения. Она наконец снова обрела способность чувствовать после долгих лет, в течение которых душу сковывал лед. Это было одновременно радостно и больно – это было пробуждением после сна.

Девушка прошла по огромной комнате, осматриваясь. Номер был роскошным: парящие потолки, мраморные полы, затейливая резьба, шелковые и атласные подушки на многочисленных диванчиках.

– Здесь очень красиво, – произнесла она, и собственный голос показался ей нервным и визгливым. – Какой вид! – Она указала на огромные, от пола до потолка, окна с трех сторон комнаты, открывающие обворожительную панораму города. – Это Колизей?

Рафаэль подошел ближе и встал позади, так близко, что Аллегра ощущала жар его тела. Стоит сделать шаг назад – и можно прикоснуться к нему. Смешанные чувства овладели ею: желание и страх. Никогда прежде ей не доводилось оказываться в подобной ситуации, и незнакомые ощущения пугали. Но... Если подумать – чего опасаться? Рафаэль не может причинить ей боль, да она ему и не позволит. Непривычно, конечно, но стоит ли бояться?

– Да, это Колизей, – произнес Рафаэль, положив руки на ее плечи. Дрожь пробежала по телу Аллегры, и она знала, что он это почувствовал.

Желая хоть ненадолго задержать этот момент, девушка отклонилась назад, легонько прислонившись к своему новому знакомому, спиной чувствуя сильные мускулы его груди. С минуту они стояли так, слушая сердцебиение друг друга. Аллегра закрыла глаза, отдаваясь этому моменту, наслаждаясь ощущением неведомой доселе близости. Всю жизнь она прожила одна – в школе была слишком робкой, чтобы заводить друзей, позже опасалась довериться немногочисленным парням, с которыми встречалась, даже с матерью не смогла наладить отношения, будучи абсолютно потерянной после ухода отца. Но сейчас... впервые в жизни... кто-то ею заинтересовался, напомнив тем самым, что она живой человек, а не тень. И когда настанет пора уйти, она сможет это сделать, не пострадав.

– Выпьем шампанского? – раздался мелодичный голос Рафаэля, и Аллегра кивнула.

Не то чтобы она любила выпить, но сейчас ей хотелось отпраздновать это новое открытие себя.

– Звучит прекрасно, – отозвалась она, отчаянно желая унять бешено бьющееся сердце.

Хлопок, с которым пробка вылетела из горлышка, заставил ее вздрогнуть. Рафаэль налил шампанское в два бокала. Пена перелилась через край на пол.

– За нас, – тихо произнес он, внимательно глядя на девушку и протягивая ей бокал.

– За нас, – ответила она.

С двенадцати лет она не произносила этот тост, и не без причины. С ним были связаны тягостные – и одновременно сладкие – воспоминания. Сочельник в кругу семьи – тогда они жили в поместье Абруччи, и вокруг дома высились горы со снежными шапками. Отец тогда впервые дал ей попробовать шампанского. Шипящие пузырьки покалывали язык, и таким Аллегра запомнила вкус счастья – огромного, точно надувающийся в сердце шар. Она была дома, с семьей, была любимым ребенком. Может, это был мираж? Возможно. А может, будучи ребенком, она тогда воспринимала все через розовые очки. И отец вовсе не любил ее так отчаянно... откуда ей знать?

Она сделала глоток – вкус был таким же, то же ощущение покалывающих пузырьков на языке – и усилием воли заставила себя не думать об этом. Не хватало только расчувствоваться перед незнакомцем.

– Расскажи мне о себе, – попросила она. – Чем занимаешься?

– Управляю компанией.

Аллегра удивленно приподняла брови:

– Какой компанией?

– Мы занимаемся недвижимостью, главным образом коммерческими объектами: отели, курорты и тому подобное.

Значит, он богат – возможно, очень богат. Хотя об этом можно было догадаться и по его уверенности, манере держать себя. Даже его туалетная вода – с чувственными нотками шафрана – пахла божественно. Что ж, Аллегра когда-то тоже была из состоятельной семьи, и ее баловали, как балуют очень любимых детей, а потом в одночасье все исчезло. Не то чтобы она горевала о пропавшем благосостоянии. Конечно, перемены были заметны: из огромной виллы они переехали в двухкомнатную квартиру в непрестижном районе города, пришлось ходить в обычную школу, позабыть про путешествия. Частенько их выручали случайные дружки матери. Их нескончаемая чередка не прекращалась, и Аллегра по возможности старалась избегать общения с ними. Мать злилась и негодовала, но Аллегра очень тосковала по утерянной любви отца. Тогда она приняла решение никогда больше не полагаться ни на кого, не ожидать любви.

– А тебе нравится то, что ты делаешь? – спросила она Рафаэля, чтобы поддержать разговор – просто чтобы продолжать болтать о чем угодно, лишь бы не встречаться с ним глазами.

– Даже очень. – Рафаэль поставил свой наполовину полный бокал на столик и сделал шаг по направлению к замысловатому музыкальному центру, что стоял рядом с мраморным камином. – Так, значит, Шостакович?

– Да, – подтвердила Аллегра, удивленная его внимательностью. – Но ведь у тебя нет этой мелодии на диске?

Рафаэль тихо рассмеялся:

– Боюсь, что нет. Но центр подключен к Интернету.

– Ах вот как. – Аллегра тоже засмеялась, смущенная собственной недогадливостью. – Я же сказала, что совершенно не разбираюсь в технологиях.

– Предоставь это мне. Я сейчас все найду.

Через несколько секунд послышались первые меланхоличные нотки произведения. Рафаэль повернулся к своей новой знакомой, протягивая ей руку:

– Пойдем.

Как всегда, мелодия затронула сердце Аллегры. Никогда она не допускала туда людей. Музыка была для нее всем: заменяла друзей, любовников, отца. Музыка не могла обидеть и бросить на произвол судьбы. Задумчивая песнь виолончели словно играла на струнах души. Очарованная, Аллегра протянула руку Рафаэлю. Они опустились на роскошный черный кожаный диван. Его рука обнимала ее за плечи, она прижималась к нему, ощущая аромат, исходивший от него. Никогда прежде она не была так близка с мужчиной, но сейчас, как ни странно, близость ощущалась как нечто само собой разумеющееся, правильное. Естественное продолжение музыкальной истории. Вот Рафаэль притянул ее к себе еще ближе – теперь ее щека была прижата к его груди, и Аллегра закрыла глаза, всецело отдаваясь во власть музыки, шампанского и сильных рук, обнимающих ее. Теперь она хотела продолжения – хотела позволить вскружить себе голову. Она

слышала, ощущала, как грудь Рафаэля мерно вздымается, как его пальцы гладят ее по плечу, его дыхание долетает до ее волос... Если бы они могли остановить время, навсегда остаться здесь, чувствуя дыхание и сердцебиение друг друга!

Музыка добралась до последней, самой высокой и отчаянной нотки, и воцарилось молчание. Прошло всего восемь минут, но казалось, будто пронеслась целая жизнь. Аллегра чувствовала себя опустошенной и в то же время словно заново рожденной. Оба молчали.

- Знаешь, - наконец заговорила она, - виолончель из всех инструментов имеет тембр, больше всего напоминающий тембр голоса человека. Наверное, потому она так на меня и действует.

- Удивительное произведение, - тихо произнес Рафаэль, большим пальцем нежно смахивая слезу со щеки девушки. - Хотя и разрывает душу на части.

Улыбнувшись сквозь слезы, Аллегра подняла голову... и встретилась глазами с Рафаэлем. Он тоже склонил голову, и девушка затаила дыхание, - казалось, весь мир вокруг на миг замер, - губы его коснулись ее. Этот поцелуй был одновременно вопросом и ответом, пробуждением и успокоением. Он заставлял хотеть большего и утолял желание. Одним легким движением Рафаэль подхватил ее на руки - и вот уже Аллегра лежит на кожаных подушках дивана.

- Ты такая красивая, - произнес он, не сводя с нее сияющих глаз.

Нежно отведя назад спутанные локоны, он провел пальцами по ее лицу. Аллегра закрыла глаза. Прикосновения были такими же нежными, как и поцелуй, пробуждая доселе незнакомые ощущения. Его пальцы скользнули ниже, к ключице, пока не нашли изгиб груди.

- Это тоже музыка, только другая, - прошептал он, проводя по шее девушки губами, и она рассмеялась дрожащим смехом.

Рафаэль тем временем ухитрился спустить с плеч ее платье и, наклонив голову, языком отодвинул ткань лифа. Аллегра громко ахнула, чувствуя, что по телу точно пробежал ток.

- О!

В этом коротеньком слове сосредоточилось многое: осознание того, что целый новый мир открылся ей, ощущение острого удовольствия. Руки ее обхватили его спину, повинаясь зову желания и настойчивого притяжения, ноги раздвинулись, ожидая прикосновения его руки. Его пальцы провели по трусикам, и Аллегра вздохнула... Она раньше и понятия не имела насколько это приятно! Рафаэль поднял голову и посмотрел на свою пленницу, прерывисто дыша. По всей видимости, его обуревало то же желание, что и ее. Понимание этого укрепило уверенность девушки. О да, она хочет этого - ощутить связь между ними, силу подлинного влечения.

- Пойдем в спальню?

Она лишь кивнула, зная, что может дать лишь один ответ.

- Да.

Одним быстрым и неуловимым движением Рафаэль поднялся с дивана и потянул Аллегру за собой. Спальня была такой же элегантной и роскошной, как и гостиная, и Аллегра украдкой покосилась на огромную кровать, стоящую на небольшом возвышении и покрытую темно-синим шелковым покрывалом. Рафаэль повернулся и взял ее лицо в свои ладони. Его поцелуй был чувственным и страстным, и она ответила со всей искренностью, на которую была способна. Рафаэль потянул за язычок молнии, и черный шелк упал на пол. Аллегра осталась лишь в лифе и трусиках. Они были самыми простыми, незатейливыми, однако глаза мужчины заблестели при виде ее тела. Как чудесно, оказывается, видеть такой взгляд, полный искреннего желания. Рафаэль притянул девушку к себе, и ее грудь коснулась его груди. Животом она ощутила его твердый вставший член.

- Холодно? - прошептал он, ощутив ее дрожь, и Аллегра покачала отрицательно головой.

Бархатный весенний вечер был теплым. Они оба знали, откуда этот трепет в ее теле. Рафаэль снова поцеловал Аллегру. Губы его спустились ниже, к ее шее и ключице, ниже, к вырезу, что открывал грудь. Она провела пальцами по его волосам. Она словно поднималась выше и выше на волнах восторга, и

прикосновения Рафаэля были единственным, что держало ее. Вот он снял с нее бюстгальтер и трусики, встал на колени, и Аллегра покачнулась, чувствуя прикосновения его рук, его губ.

- О! - произнесла она.

Так странно было стоять перед ним обнаженной, чувствуя на себе его взгляд - словно отдаешь всю себя. Рафаэль, видя ее смущение, ухмыльнулся, поднялся с колен и потянул Аллегру к кровати. Она, очарованная, смотрела на то, как он раздевается. Показалась смуглая мускулистая грудь, упругий живот, длинные ноги... он прекрасен.

- Можешь смотреть, - сказал Рафаэль, ложась на нее. - Можешь даже трогать.

И он снова ее поцеловал. Чувствуя настойчивость его желания, Аллегра тонула в ощущениях, трепет в теле становился все более неугомонным, вытесняя все мысли и сомнения. Пальцы Рафаэля ласкали ее в самых потаенных местах, исследуя, поддразнивая - в его движениях не было ни капли робости. Она крепко схватила его за плечи, и тело ее напряглось, приготовившись к всплеску удовольствия - вот сейчас она обретет это неведомое раньше счастье. Рафаэль овладел ею, дыша тяжело и прерывисто. Ощущение целостности, полноты затмило временный миг боли. Ощувив преграду, он остановился. Аллегра замерла.

- В чем дело?

- Ты девственница?

- Да.

Он произнес какое-то бранное слово и, прижавшись лбом к ее лбу, сказал:

- Я и понятия не имел.

- Ты и не должен был, - вымолвила Аллегра.

- Тебе нужно было сказать мне, - упрекнул он.

– Рафаэль...

Аллегра выгнулась всем телом, чтобы дать ему понять то, что не могла выразить словами. Как можно остановиться сейчас, когда каждая клеточка ее требовала, умоляла! Он начал двигаться вновь, и Аллегра позабыла обо всем, отдаваясь ощущениям, – удовольствие охватило ее и, поднявшись высоко, разбилось на тысячу прозрачных осколков, – она вскрикнула, и крик этот замер в тишине, как самая чудесная мелодия.

Рафаэль перевернулся, отодвигаясь от Аллегры, чувствуя раздражение. Он никак не ожидал такого поворота событий, хотя и видел ее неопытность. Его затопило чувство вины. Но эта музыка... Волшебная атмосфера, полный желаний взгляд Аллегры – все произошло как-то само собой. На душе было нелегко. Секс для него был приятным развлечением, не подразумевающим никаких эмоций, и оставалось лишь надеяться, что и Аллегра не станет вкладывать в произошедшее какой-то особый смысл. Ее искренность тронула Рафаэля настолько, что он даже позабыл про презерватив. Осознание это вползло в сознание холодной змеей. Он потерял голову – и контроль над собой.

Он посмотрел на лежащую рядом девушку. Нежный румянец покрывал ее фарфоровую кожу, волосы разметались по подушке золотистой волной. Даже сейчас, зная о ее невинности, Рафаэль хотел ее. Никогда прежде не было с ним подобного. Овладев женщиной, он обычно ее забывал. Внезапно Аллегра перекадилась на бок, свернувшись у него на груди, обхватив его руками. Смущение и тревога, раздражение и вина атаковали его одновременно. Все подружки знали, чего он хочет и чего не выносит в постели. Он всем давал понять, что эмоций не приемлет, но, конечно, Аллегра не поняла этого скрытого сообщения. Она наверняка ожидает от него нежности, но он не готов никого к себе подпускать.

Она положила ногу между его ног, прижалась щекой к его груди и вздохнула:

– Я так по нему скучаю.

Рафаэль на миг потерял дар речи. О чем она толкует?

– Скучаешь по нему? – механически переспросил он.

– Знаю, что не должна, ведь это глупо, я не видела его уже пятнадцать лет. Но мне не хватает той жизни, что была когда-то. Вот почему я пришла сегодня на поминки. Искала близости, понимания...

Она говорит про Мансини, понял Рафаэль. Но... пятнадцать лет? Значит, она не может быть его любовницей, ведь ей не больше двадцати пяти.

– Аллегра. – Рафаэль повернулся к ней. – Кто ты?

Она подняла на него заплаканные глаза.

– Я его дочь, – произнесла она, и Рафаэль едва сдержал рвущееся с языка ругательство.

Дочь Мансини, его врага, лежит в его объятиях, ища в них утешения. Рафаэля захлестнул вихрь противоречивых эмоций: ярость и вина, отвращение и тревога, сожаление и жалость. Ужаснее всего была мысль о собственной роли в этой неожиданно разыгравшейся драме: он выступил таким змеем-обольстителем, который воспользовался невинностью девушки.

Рафаэль отодвинулся и встал с кровати. Услышал движение за спиной, и Аллегра дрожащим голосом окликнула его.

– Тебе пора, – коротко и бесцеремонно ответил он, не пытаясь смягчить тон.

Его буквально разрывал на части гнев. Подумать только, дочь Мансини! Она вообще знает, что натворил ее папочка? Знает о том, сколько крови он пролил? Разумеется, нет: ведь когда умер отец Рафаэля, Аллегра, должно быть, была ребенком. Но... это не имеет значения. Она принадлежит роду Мансини, скучает по отцу – по человеку, которого Рафаэль ненавидит. Ей пора уйти – немедленно.

– Ты... хочешь, чтобы я ушла? – дрожащим голосом спросила Аллегра.

– Я вызову тебе такси. – Рафаэль надел брюки.

Увидев, что его слова не возымели действия, взял платье Аллегры и бросил ей. Девушка даже не пошевелилась. Она сидела в его кровати, натянув синюю

простыню на грудь, такая прекрасная: рыжие волосы, волнами спадающие на плечи, огромные глаза – картина, задевающая за живое.

– Я не понимаю... – беспомощно произнесла она.

– Что тут понимать? У нас с тобой была интрижка на одну ночь – и все кончено. – Рафаэль помедлил. – Если бы я знал, что ты девственница, я бы, конечно, повел себя немного по-другому. Но уж как получилось... – Он пожал плечами. – Мне показалось, что тебя все устраивает.

На лице Аллегры появилось такое выражение, точно ее ударили, но она тут же собралась с духом и подняла подбородок, отчего Рафаэль ощутил еще большую сумятицу в чувствах.

– Да, так и было, – отозвалась она с достоинством. – Может, я и неопытна, но даже я могу понять, что твоя стратегия отступления – полный провал. Подумай на досуге, как усовершенствовать.

– Спасибо за совет, но давай не будем уходить от темы.

Аллегра вздохнула, подняла подбородок, смахнула слезы.

– Дашь мне минутку одеться? – спросила она с чувством уязвленной гордости.

Ее несгибаемое мужество в столь хрупком теле пробуждало в душе тревожные чувства, и Рафаэль, желая поскорее отгородиться от них, скупно кивнул, выходя из комнаты. Нужно выпить – и что-нибудь покрепче шампанского. Все обернулось совсем не так, как он ожидал. Ища удовлетворения, он лишь больше распалился, растревожился. В душе всплыли воспоминания: «Все, что у тебя есть, – это твоя честь, Рафаэль. Это все, что осталось. Честь и твои обязанности как мужчины». Сейчас у него не осталось даже этого.

Дверь в спальню отворилась, не успел Рафаэль налить себе щедрую порцию виски. Он приказал себе не оборачиваться и услышал, как каблучки Аллегры простучали по мраморному полу комнаты. Она нажала на кнопку вызова лифта, – Рафаэль намеренно не оглядывался, – и двери со звоном открылись.

– Прощай, – тихо и печально произнесла девушка.

Через мгновение ее уже не было. Оставшись наедине с подступающей ночью, Рафаэль поднес к губам бокал, но вместо того, чтобы выпить, бросил его в темноту, где он разбился о стену.

Глава 3

На следующий день Аллегра сидела в кабинете адвоката, терзаемая горькими воспоминаниями и недобрим предчувствием. Синьор Фрателли настоял на том, чтобы она пришла, хотя Аллегра понятия не имела почему. Вряд ли отец оставил им с матерью хоть что-то в завещании – ведь он за всю жизнь не поделился с ними ни центом. Девушке не хотелось идти на эту встречу, тем более там должны были быть вторая жена отца и его приемная дочь. Но она решила, что переживет эти неприятные минуты, а потом отправится в Нью-Йорк и забудет обо всем.

– Синьора Мансини, – поприветствовал адвокат, впуская Аллегру в роскошную комнату с кожаными креслами и стенами, обшитыми деревянными панелями. – Спасибо, что пришли.

– Синьора Уэллс, – тихо поправила Аллегра, назвав добрачную фамилию матери, которую та взяла после развода.

Взгляд ее упал на Катерину Мансини. Голубые глаза вдовы излучали арктический холод. Отвернувшись, она даже не поприветствовала вошедшую. Рядом с ней сидела ее дочь Амалия – той было примерно столько же лет, сколько и Аллегре. Она нервно заерзала и улыбнулась натянуто, краешком губ, а затем тоже отвела глаза. Аллегра чувствовала себя такой разбитой, что даже не стала отвечать. Если бы все сложилось иначе... возможно, они с Амалией могли бы подружиться. Та, хоть и напоминала мать светлыми волосами и глазами, вела себя не так надменно. Но сейчас сил не было ни на что большее, кроме как сидеть рядом с этими двумя женщинами, что забрали у нее отца. Синьор Фрателли начал речь. Аллегра попыталась сконцентрироваться, отгоняя усталость.

– Боюсь, для кого-то станет сюрпризом, что синьор Мансини... в его финансовом положении произошли некие перемены.

Катерина едва не пригвоздила адвоката взглядом к полу.

– Какие перемены? – требовательно спросила она.

– Контрольный пакет акций холдинга «Технологии Мансини» принадлежит теперь другой корпорации.

Катерина ахнула, но эти слова не произвели на Аллегру никакого впечатления.

– Что вы имеете в виду? – пронзительным голосом спросила вдова.

– Теперь владелец контрольного пакета – синьор Витали из «Недвижимости В», – пояснил адвокат. – Он теперь генеральный директор компании Мансини. И он скоро будет здесь, чтобы рассказать о своих намерениях относительно будущего холдинга.

Катерина принялась засыпать юриста вопросами, Аллегра же откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Какое ей дело до того, что теперь компания отца в руках какого-то незнакомца? Не нужно было приходить, да и вообще приезжать в Италию.

– А, вот и он, – донесся до нее голос синьора Фрателли.

Дверь офиса открылась, и в проеме возник, точно ангел тьмы, Рафаэль. Уязвленная, шокированная Аллегра не могла вымолвить ни слова от волнения. Сегодня ее таинственный знакомый выглядел совсем иначе – по-деловому, очень серьезным, со сжатыми в нитку губами и прищуренными глазами. На нем красовался строгий темно-синий костюм. Безучастно скользнув взглядом по лицу Аллегры, он как ни в чем не бывало отвел глаза. Девушка вжалась в спинку кресла, чувствуя, как мысли бешено носятся в голове, а тело наливается сладкой истомой, вспоминая ласку его рук... Что, черт возьми, он тут делает?

Синьор Фрателли встал, приветствуя вошедшего:

– Добро пожаловать, синьор Витали.

Прижав руку ко рту, Аллегра сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Казалось, еще немного – и ее стошнит от отвращения и ужаса! Занятая собственными переживаниями, она не обращала внимания на то, что происходило вокруг. Словно откуда-то издалека, до нее доносились полные отчаянной ярости восклицания Катерины. Рафаэль стоял со скучающим видом, синьор Фрателли же, казалось, был растерян и смущен до глубины души. Выпрямившись, девушка вслушалась в разговор.

– Вы не можете так поступить! – протестовала Катерина, покрывшаяся от бессильной злобы красными пятнами.

– Могу. Да что там говорить, я уже это сделал, – протянул лениво Рафаэль. – Компания «Технологии Мансини» прекращает свою деятельность.

Аллегра молча слушала, как Рафаэль объясняет присутствующим свой план по уходу небогатых активов из компании отца. Потом в разговор вступил Фрателли с еще более удручающей новостью: почти все имущество Мансини, включая поместье в Абруччи, принадлежало компании. То есть фактически отец умер банкротом.

– Вы убили его! – выпалила Катерина Рафаэлю. – Вы знаете? Он умер от сердечного приступа – теперь я понимаю, что это был шок. Вы его убили!

Рафаэль невозмутимо ответил:

– Что ж, я не единственный, у кого на руках кровь.

– И что это означает? – требовательно спросила вдова.

Ее возглас остался без ответа.

Ошеломленная Аллегра обратилась к Фрателли:

– Можно мне уйти?

– У меня есть кое-что для вас, синьорина, – с печальной улыбкой отозвался юрист. – Синьор Мансини оставил в отношении вас особое указание.

– Неужели?

Удивление и робкая радость пробились сквозь шок и огорчение. Синьор Фрателли вынул из ящика стола бархатный мешочек и передал его Аллегре. Катерина не сводила глаз с его рук. Рафаэль и Амалия тоже подняли голову. Девушка сжала бархатистую ткань, не желая открывать подарок сейчас, но, по видимому, все этого ждали. Катерина буквально тряслась от ярости. Казалось, еще миг – и она выхватит драгоценное послание отца из рук Аллегры.

Сделав глубокий вздох, она открыла мешочек и вытянула чудесное жемчужное ожерелье с большим сапфиром в центре – он был в виде сердца и окаймлен бриллиантками. Украшение когда-то принадлежало бабушке Аллегры со стороны отца, и мать очень любила его носить. При виде знакомой вещи слезы навернулись на глаза девушки. Сейчас она не думала о ценности ожерелья – нет, ее потрясло то, что отец ее вспомнил. Сжав нитку жемчуга в руке, Аллегра стояла, стараясь побороть эмоции, и, когда ей это удалось, кивнула синьору Фрателли.

– Благодарю, – прошептала она по-итальянски. Слово моментально всплыло в памяти, точно и не было всех этих лет, проведенных в Нью-Йорке.

– Есть еще письмо.

– Письмо?

Аллегра приняла конверт из рук Фрателли, не веря своему счастью: возможно, наконец она узнает, почему отец ушел от них. Поблагодарив адвоката, она на подгибающихся ногах направилась к двери, не намереваясь открывать письмо под многочисленными взглядами. Она уже начала спускаться по лестнице, когда дверь позади отворилась и голос Рафаэля окликнул ее. Аллегра продолжала идти. Тогда мужчина легко сбежал по ступенькам и коснулся ее запястья. При одном лишь мимолетном прикосновении Аллегра напряглась и выдернула руку.

– Нам не о чем разговаривать.

– Вообще-то есть о чем, – твердо произнес Рафаэль, и девушка невольно повернулась к нему.

– Что ты можешь мне сказать? – спросила она дрожащим голосом. – Ты мне уже отомстил.

– Отомстил? – Губы его сжались в нитку.

– Ты знал вчера, что я его дочь? И тебя... тебя это развлекло, не так ли? Ведь этим самым ты нанес ему еще один удар.

– Я не знал, что ты дочь Мансини, иначе и не прикоснулся бы к тебе. Я вообще не желаю иметь с ним ничего общего – ни с кем из вашей семейки.

Холодный его тон заставил девушку вздрогнуть.

– Почему? Что мой отец сделал тебе?

– Сейчас это не важно.

– Отлично. Тогда нам не о чем говорить! – воскликнула Аллегра, твердо решив вычеркнуть Рафаэля Витали из своей памяти.

– Напротив. Мы не пользовались противозачаточными.

Четыре простых слова заставили ее замереть в ужасе и облизнуть пересохшие от страха губы. Эта мысль не пришла ей в голову, и сейчас Аллегра готова была умереть от стыда за собственную беспечность и наивность.

– Если окажется, что ты беременна, – совершенно спокойно продолжил Рафаэль, – тогда тебе придется мне сказать.

– Зачем? – спросила Аллегра. – Ты же не хотел иметь со мной ничего общего. Так зачем тебе мой ребенок?

– Наш ребенок, – быстро поправил Рафаэль, передавая ей свою визитку. – Разумеется, я надеюсь на лучшее. Но если уж все окажется иначе, знай, что я человек чести. Я не оставляю на произвол судьбы то, что принадлежит мне.

«Надеюсь на лучшее» – то есть на то, что им не придется встречаться больше никогда. Аллегре хотелось порвать визитку на мелкие клочки, но это было слишком по-детски, так что она зажала карточку в кулаке.

– Я не желаю больше разговаривать с тобой.

– Я серьезно, Аллегра.

– И я тоже, – прошипела она, бросаясь бежать по лестнице.

Вернувшись к себе, все еще дрожа от перепалки, Аллегра наконец открыла письмо отца.

«Дорогая Аллегра! Прости старику ошибки, которые он совершал из страха и горя. Я больше заботился о своей репутации, чем о твоей любви, и об этом всегда буду жалеть.

Твоя мать очень любила это ожерелье, но оно твое по праву. Сохрани его для себя и не показывай ей. Я не ожидаю, что ты меня поймешь и уж тем более простишь.

Твой папа».

Перечитывая письмо снова и снова, Аллегра плакала. Что отец имел в виду под словами «заботился больше о своей репутации»? Письмо не прояснило ситуацию, а лишь сильнее все запутало.

Аллегра проспала почти весь полет до Нью-Йорка. Сон был единственным спасением от тревожных, горьких воспоминаний и боли, что застилала сознание, словно пелена, сковывающая движения и мысли. Лишь вернувшись в привычную обстановку в квартирке-студии в Ист-Виллидж

, она немного пришла в себя. Снизу доносился приглушенный шум автомобилей, едва слышный с шестого этажа. Поприветствовав Антона, старика хозяина, Аллегра заперлась у себя, желая лишь одного – успокоиться, слушая музыку. Автоматически она потянулась к любимому диску Шостаковича, но рука ее замерла на полпути, а сердце упало. Неужели отныне драгоценная мелодия навсегда утратит для нее свое очарование? Выбрав другую музыку, Аллегра свернулась в клубочек на диване, обняв подушку и стараясь не разрыдаться.

Тут зазвонил телефон – это была мать.

– И? – требовательно спросила Дженнифер, не дав дочери сказать ни слова. – Он тебе что-то оставил? А мне?

– Поминки были роскошными, – тихо ответила Аллегра.

И с т – В и л л и д ж – микрорайон, расположенный в Манхэттене, Нью-Йорк.

Мать лишь презрительно фыркнула. Она давно утратила все нежные чувства к бывшему мужу.

– Мы ничего не получили, – произнесла девушка, мгновение поколебавшись, по непонятной даже для себя причине решив последовать совету отца и не говорить ничего про ожерелье. – Да там и не было никакого наследства.

Она объяснила ситуацию с Рафаэлем Витали и его приобретением холдинга «Технологии Мансини», стараясь говорить как можно более непринужденно и спокойно.

– Как его зовут – Витали? – резко переспросила мать. – Того, кто купил компанию? Хотя нас это в общем-то не касается...

– Да, – согласилась Аллегра. – Только Катерина Мансини обвинила его в том, что он практически убил... – Она замолчала, не в силах произнести слово «папа». – Убил его. Сердечный приступ мог произойти из-за шока.

Дженнифер помолчала.

- Ну, вот и все, - сказала она, и слова ее тяжестью легли на сердце девушки.

Да - вот и все, подумала с горечью Аллегра. Конец всему.

В течение всего следующего месяца она отчаянно старалась «жить дальше» - работала в кафе, болтала с покупателями, гуляла в парке и пыталась радоваться мелочам, но после ночи с Рафаэлем все казалось бесцветным, лишенным смысла. Аллегра гнала от себя мысли о том, что скучает по нему - это было бы верхом глупости после того, как жестоко он с ней обошелся, - и не могла его забыть. До сих пор она привыкла отступать, уходить в сторону, но та ночь в Италии стала поворотным моментом в ее жизни, и пути назад не было.

А месяц спустя она начала испытывать дискомфорт по утрам. В первый раз Аллегра списала тошноту и недомогание на неудачный визит в кафе, но, когда все повторилось на следующее утро, в душу закрался холодок сомнения - и понимания того, что произошло. На третий день она купила тест на беременность.

Две розовые полоски заставили девушку онеметь от шока. Это просто верх несправедливости, мало того что она переспала с этим негодяем, который жестоко ее отверг, так еще и беременна от него. Всего одна ночь - и такая расплата? Но, с другой стороны, это же ее малыш, ее ребенок, новая жизнь, что готова раскрыться, точно бутон цветка. Материнский инстинкт захлестнул Аллегру целиком. Ничего подобного она и ожидать не могла - да, честно говоря, даже и не думала о детях всерьез, привыкнув к тому, что она - точно волчица-одиночка, не рассчитывая на перемены в судьбе. И вот теперь в ее жизни появится кто-то, с кем можно создать настоящую семью. Она не оставит своего малыша, подобно отцу, и не станет вымещать на нем собственную горечь и боль одиночества, как поступала ее мать. Этот ребенок - ее новая страница, новый шанс испытать в жизни счастье. Положив руку на живот, Аллегра закрыла глаза.

– Будет немного прохладно, – предупредила медсестра, и Аллегра поморщилась, ощутив холодный гель на животе.

Она была на восемнадцатой неделе беременности и с нетерпением ожидала дня, когда можно будет увидеть малыша хотя бы с экрана монитора. Вытянув шею, вгляделась в неясные очертания черно-белых линий и вздрогнула от волнения, услышав торопливое, точно перестук копыт, биение сердца ребенка. Размытый облик приобретал четкость – и вот уже можно было увидеть головку, ручки, ножки. Аллегра издала слабый возглас восторга, улыбаясь сквозь слезы. Беременность была нелегкой: за три месяца дважды пришлось обращаться к помощи врачей, сказывалось ежедневное утреннее недомогание, из-за которого организм был обезвожен. Аллегра похудела, с трудом заставляла себя каждый день идти на работу и с ужасом думала о том, как будет справляться одна, когда малыш появится. А она твердо вознамерилась не сообщать новость Рафаэлю. Он ничем не лучше ее собственного отца и может уйти из семьи в любой момент. А значит, придется справляться самой – хотя совершенно непонятно, как это возможно с низкооплачиваемой работой и крохотной квартиркой-студией. Но она придумает, что делать.

Медсестра внезапно нахмурилась и нажала чуть сильнее. Тут она встала и, пробормотав: «Я сейчас вернусь», выбежала из кабинета. Лежа на столе, дрожа от холодного геля на животе, Аллегра с ужасом ощущала, как по спине бегут мурашки. Сестра появилась опять, но уже в сопровождении врача с серьезным видом, который, хмурясь, принялся разглядывать изображение на экране.

– Что случилось? – спросила Аллегра дрожащим от волнения голосом.

– Минутку, мисс... Уэллс.

Врач, бросив беглый взгляд на карту, вновь посмотрела на монитор. По выражению ее лица было понятно: что-то не так. Аллегра ощущала, как страх вползает в сердце, растворяется в нем и, точно яд, бежит по венам. Что-то с ребенком? Медики снова взяли за прибор ультразвука и начали перешептываться. Аллегра, которая не разобрала ни слова, взмолилась:

– Пожалуйста!! Прошу, скажите мне, что происходит.

Медсестра, протягивая салфетку, посмотрела на нее с таким сожалением, что девушка вконец перепугалась.

– Доктор Стейн вам все объяснит, – произнесла она.

Через некоторое время Аллегра знала всю правду. Беда казалась одновременно неминуемой и невозможной. Три слова – врожденный порок сердца – разрушили хрупкое счастье, что всего лишь утром было таким огромным. Аллегра знала, что иногда в таких случаях может помочь хирург, а иногда бывают заболевания, которые не имеют симптомов и не представляют опасности. Но, глядя в лицо доктора Стейн, она поняла, что у малыша что-то гораздо серьезнее.

– Проблема, о которой идет речь, может представлять угрозу для жизни, – тихо ответила врач. – В таком случае ребенок не проживет и нескольких месяцев. Мы возьмем на анализ околоплодные воды, чтобы понять, с чем имеем дело. Боюсь, вам придется набраться терпения: результат будет известен примерно через три недели. Пока, судя по ультразвуку, сказать точно сложно – это может быть что-то серьезное, а может, и совершенно нет.

– Но вы думаете, что есть риск? – прошептала Аллегра, и врач ответила ей серьезным взглядом.

– Боюсь, что так. Но без результатов анализа мы не узнаем наверняка. Сложно поставить диагноз с одним только снимком.

Аллегра едва помнила, как дошла до дома. Антон выглянул из-за своей двери, поинтересовался, как дела. Девушка что-то ему ответила, не соображая, что говорит. Казалось, все происходило как в тумане – точно она смотрит на себя со стороны. Все в жизни утратило смысл и ощущение реальности – все это кошмар, дурной сон. Сквозь пелену горя и страха пробивалась еще одна горькая мысль: нужно сказать Рафаэлю о ребенке. Как бы он ни обошелся с ней, он имеет право знать. Аллегра отгоняла от себя эту навязчивую идею. Не хватало еще дать ему второй шанс поиздеваться над собой вместе с малышом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/h-yuit_keyt/poprosi-menya-ostat-sya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)